

Неонила КРИНИЧНАЯ

г. Петрозаводск

В мире крестьянской мифологии

На пепелище дотла сгоревшей деревни горько плакали бездомные домовые. Целые ночи напролет слышны были их безутешные сетования и стоны. Тогда, отложив все свои заботы и печали, крестьяне-погорельцы сколотили для бесприютных духов-«хозяев» нечто наподобие шалашиков. Положив возле этих временных пристанищ круто посоленные ломти хлеба, мужики пригласили сюда домовых на жительство. Когда будет вновь отстроена деревня, каждому двору понадобится свой домовой. Без духа-души постройке не стоять.

В быличках, бывальщинах, поверьях крестьянская усадьба населена не только людьми, но и целым сномом мифических существ. В каждом из этих персонажей, будь то домовой или дворовой, мара или кикимора, банник или овинник, угадываются прежде всего черты предка-родоначальника. Это глава семейно-родовой общины, состоящей из многих поколений сородичей, некогда живших и ныне живущих. Впрочем, в нем есть признаки и духа постройки, и духов деревьев, срубленных для возведения жилища. Мифический «хозяин» выступает в роли вершителя человеческой судьбы, а заодно и ее предсказателя. Он же обладатель чудесных предметов, будь это шапка-невидимка или «разрывная кость», посредством которых, став совершенно невидимым, можно беспрепятственно завладеть сокровищами, хранящимися за крепкими затворами, либо добыть «зачарованные» клады, таящиеся глубоко в земле и даже в воде.

В мифологических рассказах крестьянин относится к домашнему духу-«хозяину» примерно так

же, как к старейшине своей семейно-родовой общины: оказывает ему знаки почтения, проявляет внимание к нуждам духа-«хозяина», соблюдает обычай и обряды с целью расположить его в свою пользу, заручиться магической помощью и поддержкой в своей семейной и хозяйственной жизни. Но горе тому, кто в общении с мифическим «хозяином» нарушит веками сложившийся этикет или пренебрежет известными заповедями и запретами. Во взаимоотношениях «того» и «этого» миров наступит хаос. И гибель дерзкого нарушителя обычаяв старины не исключается! При этом «репертуар» расправ, которым располагает запредельный «хозяин», сниженный под влиянием христианских взглядов до ранга «нечистой силы», довольно разнообразен. Банник ошпарит смельчака, восставшего против всем известного и всеми уважаемого обычая, или просто деревенского озорника горячим паром, а шибко осердясь, и кожу с него сдерет, распластав ее на раскаленной каменке. А то запустит в бесшабашного храбреца, отважившегося войти в неурочный час в баню, булыжником. Овинник же сожжет собранный, свезенный для просушки хлеб вместе с овином. Нет числа испытаниям, которым подвергает людей неугомонный дух-«хозяин» жилища, хлевов и конюшен. Домовой-дворовой шалит и шумит в избе, а если кормилица семьи – коровушка не пришлась ко двору мастью, сживет ее со свету: масть полюбившейся скотины по цвету совпадает с волосами и главы дома, и духа-«хозяина» жилища. Пришедшийся ко двору лошади мифический покровитель запллетет в гриве тугие косички, а посты-

лую загоняет до полусмерти по белым от рос и лунного света ночных лугам.

Домашний дух представлен в фольклорной традиции не только в качестве предка-родоначальника, но и как языческое божество. Живя по христианским заповедям, крестьянин до конца не порывает и с язычеством. Вот почему в фольклорной традиции легенды о христианских святых, угодниках сочетаются с быличками, бывальщинами, поверьями о духах-«хозяевах», населяющих жилище, леса, водоемы... Причем языческие и христианские персонажи устной мифологической прозы часто взаимозаменимы, поскольку, по народным представлениям, играют в жизни крестьянина одну и ту же роль. А вера в реальность повествования соседствует со скептицизмом, создавая почву для «плурализма» мнений. И все же даже в наши дни рассказчики не торопятся объяснять свою встречу с тем или иным мифическим существом некими зрительными, слуховыми, осязательными галлюцинациями или же психологическими проекциями, которые могли произойти в результате «обмана чувств», т.е. неправильной информации, данной органами чувств мозгу, что может быть обусловлено стрессовой ситуацией. Наоборот, нередко они настаивают на правдоподобности таинственного явления: «Это было, было, вот нисколько не вру!»

А заподозрив в собирателе сомнение, могут решительно отрезать: «Теперь не верят – потому и нет».

Все, что сказано о духах-«хозяевах» жилища, может быть с известными поправками и дополнениями отнесено и к мифическим существам, обитающим в природном пространстве: к лешему, водяному, русалке, некой безличной мифической силе со всеми предшествующими или сопутствующими им запредельными персонажами. У каждого из этих «хозяев» свои владения, лишь русалке одинаково привычно в обеих стихиях, в водной и растительной. Эти духи-«хозяева» выступают как своего рода посредники между мирами: животным или растительным, с одной стороны, и человеческим, с другой. Они как бы поддерживают гармонию в отношениях крестьянина с природой. Соблюдением же идущего от века этикета сохраняется равновесие между «этим» и «тем» светом.

Как повествуется в мифологических рассказах, крестьянин договаривается с лешим и о числе лесных зверей, которое ему предстоит на охоте отстреливать, и о количестве домашних животных, которое дозволено будет унести волкам или заломить медведям в течение всего пастбищного сезона, и об условиях возвращения пропавшей в лесу коровы или лошади, а то и человека, которого «водит» в лесных

чащобах «нечистый». И горе не только крестьянину, но и лешему, если он не сдержит данных обещаний. В обиде крестьянин не остановится и перед угрозой сочинить грамотку-челобитную самому царю в Москву: попросить прислать в здешние края стрельцов и донских казаков, чтобы они вырубили владения провинившегося лешего, обратили «лес в пень». Перед такой печальной перспективой леший станет, по мнению крестьянина, куда покладистей.

Свой дух-«хозяин», по рассказам, есть и у каждого водоема, реки, озера. Водяной в поздних быличках и бывальщинах обычно похож на человека, от которого, однако, отличается своей зеленой бородой, длинными зелеными волосами, большими красными глазами, горящими, подобно раскаленным углям, иногда лапами вместо рук, рогами на голове да еще, пожалуй, рыбьим хвостом. Нередко это водяница с длинными волосами, с которых неудержимо струится вода и которые она расчесывает гребнем. Свое подводное хозяйство водяной пополняет похищенными крестьянскими коровами и лошадьми. Но случается, что и крестьянину удается поживиться добром из стада, вышедшего на берег из таинственной глуби. Водяной может послать рыбаку хороший улов либо, наоборот, вовсе лишить его удачи. В его власти жизнь и смерть человека на воде, как и участь домашней животины, оказавшейся на берегу. Этому духу молва приписывает и разрушение плотин, мельниц. И потому в традиции удерживается множество обрядов и обычаем, цель которых – умилостивление, задабривание водяного. Если же весь арсенал языческих средств не приносит ожидаемых результатов, приходится прибегать к христианским обрядам. Крестьяне поднимают иконы, молятся Николе-угоднику, заказывают «водосвятный молебен» и окропливают святой водой речку ли, озерко, где поселился своеенравный водяной. И теперь он, озадаченно похлопав себя руками по бедрам, пометавшись из стороны в сторону и, наконец, выбрав, в каком направлении ему лучше всего уйти, уплывает отсюда, и вслед за ним потоком устремляется вода. С тех пор, по заверению крестьян, на их озере стало спокойно.

Сродни духам воды и духам растительности (лесов, полей) можно считать русалку. Вместе с тем ее образ сформировался под влиянием культа мертвых. Ведь русалки, согласно народным верованиям, – это умершие некрещеные дети или девушки-утопленницы. Тот поэтический образ, который сложился в нашем представлении, гораздо в большей степени навеян профессиональным искусством, чем устным народным творчеством. В самих же мифологических рассказах и поверьях с русалкой прежде всегда связаны надежды на хороший урожай. После Тро-

ицины дня русалки выходят из воды и вплоть до осени живут в полях и рощах. Там, где они резвятся, трава растет гуще и зеленее, а хлеб – обильнее. Отсюда следует строгое соблюдение обрядов в Русланную неделю. Встреча же с русалкой, по словам рассказчиков, опасна для человека. В ней обнаруживаются и признаки божества судьбы.

Отношения крестьянина с духами-«хозяевами» усложнялись по мере того, как с усилением христианства языческие персонажи постепенно снижались до уровня нечистой силы. Эти развенчанные божества пополняли ряды мифических антагонистов человека. Концентрированным обобщением этих «падших ангелов» стал образ чертадьявола-беса. Но даже в этом вредоносном персонаже иногда различались свойства благосклонных к человеку духов-«хозяев».

Добро и зло, жизнь и смерть, здоровье и недуг, любовь и неприязнь, обилие и оскудение представлены в мифологических рассказах вечными образами. Символом их противоборства служат магические действия людей, наделенных сверхъестественными способностями. Злую волю колдуна или ведьмы, чьими пособниками, по верованиям крестьян, является нечистая сила, обезвредит знахарь-шептун. Это он найдет способ избавить человека от тяжкого недуга, от сглаза или порчи, а то вернет обратно к изначальному – человеческому – обличью, оградит крестьянина от любой беды. Как древний маг, он призовет на помочь все стихии, всех духов-«хозяев», которые со временем уступят свое место христианским святым. Приободрив «пациента», психологически настроив его на преодоление болезни, знахарь направит на его выздоровление целебную силу трав и магических слов.

В мифологических рассказах своего рода «знатющими» представлены и плотники, ведающие тайна-

ми не только своего мастерства. Это ведуны, которым открыт сокровенный смысл строительных обрядов. Посредством этих сакральных действ они способны программировать судьбу дома, предопределить благополучие живущей в нем семьи и долголетие хозяина, что обусловлено установлением добрых отношений с домовым. В качестве таких «знатящих людей» осмысляются в народе и пастухи. Успех их пастыбы, по мнению крестьян, нередко бытующему и поныне, полностью зависит от магических способностей, которые обретаются пастухами посредством заговоров и выгодного договора с лешим, заключенного на очередной сезон.

В наше время традиционные образы крестьянской мифологии наполняются новым содержанием, получают новые названия, в той или иной степени благозвучные и наукообразные. В самом деле, разве не обнаруживаются в современных «барабашках» или полтергейстах, снежных людях или чудовищах экзотических озер знакомые нам съзмалу очертания простодушных домовых, косматых леших и длинноволосых русалок с частым гребешком в руках? И не напоминает ли нам фирменный экстравенс все того же деревенского ведуна?

Для нас былички и бывальщины, равно как и псевдобылички, развенчивающие веру в сверхъестественное, не реликт былых заблуждений. Это остро-сюжетные, высокохудожественные произведения, достигающие совершенства в передаче психологического состояния героев – зачастую через мастерски построенные диалоги, через емкие описания крестьянского быта. Эти краткие повествования и сегодня поражают обилием ярких ситуаций, сюжетов и фабул, нетускнеющими красками языка.

Неонила Артемовна КРИНИЧНАЯ

окончила филологический факультет ЛГУ,

где занималась фольклором в семинаре профессора В. Я. Проппа,
в 1967 г. – аспирантуру при ПГУ.

Доктор филологических наук, главный научный сотрудник
Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН.

Автор более 200 научных работ и книг, в том числе
«Народные исторические песни начала XVII в.» (1974),

«Северные предания: Беломорско-Обонежский регион» (1978),

«Русская историческая проза: вопросы генезиса и структуры» (1987),

«Легенды. Предания. Бывальщины» (1989), «Персонажи преданий: становление

и эволюция образа» (1988), «Предания Русского Севера» (1991),

«Русская мифология: Мир образов фольклора» (2004) и других.

Заслуженный деятель науки РФ, заслуженный деятель науки РК.

